

ГОРБУНОВА Л. Г., ЛИЯСКИНА Т. Н.

**УЧАСТИЕ «Я»-СУБЪЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ПРИСОЕДИНЕНИЕМ / ПАРЦЕЛЛЯЦИЕЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые элементы семантической организации предложения в плане их функционирования в присоединительных / парцеллированных структурах. Предпринимается попытка доказать раздельнооформленное выражение диктумной и модусной информации в разных элементах присоединительной конструкции. Специфика возникновения присоединения объясняется через «проникновение» субъекта модуса в диктумную зону.

Ключевые слова: присоединение, парцелляция, диктум, модус, субъект, авторизация, диктумная зона, модусная рамка.

GORBUNOVA L. G., LIYASKINA T. N.

**"I"-SUBJECT IN THE FORMATION OF UTTERANCES
WITH CONJUNCTION / PARCELLING**

Abstract. The article considers some elements of the sentence semantic organization in terms of their functioning in conjunctive / parcelling structures. The study shows that dictum and modus information in different elements of conjunctive structure are realized separately. The authors explain the conjunctive structure occurrence by penetration of the modus subject in the dictum area.

Keywords: conjunction, parcelling, dictum, modus, subject, authorization, dictum area, modus frame.

Новейшее понимание синтаксиса предполагает учет фундаментальных языковых и внеязыковых законов, правил связной речи в их функционально-коммуникативном единстве. Единицей такого синтаксиса справедливо признается высказывание (т.е. предложение-модель в речи), а глубинной структурой последнего – пропозиция, отвлеченный образец смысла, связанного с типологией предикатов и их распространителей-актантов. При этом традиционный структурно-семантический синтаксис может быть осмыслен как один из разделов синтаксиса функционально-коммуникативного, а семантическая структура – как основа описания языка в рамках функционального синтаксиса [5, с. 150]. Подобный подход очень удобен при истолковании многих известных, но так и не получивших грамматического статуса лингвистических фактов, одним из которых, несомненно, является присоединение / парцелляция.

Синтаксическая модель присоединения (при широком понимании присоединения сюда войдет и конструкция с парцеллятом) традиционно понимается как добавление синтаксически связанных, но пунктуационно отчлененных отрезков текста (членов простого предложения / предикативных частей сложного предложения / элементов сложного синтаксического целого) к законченному предложению / высказыванию. В этой связи позволим себе напомнить известные мысли академика В. В. Виноградова о присоединении: «Разбежавшееся повествование как бы упирается в барьер и стремительно отскакивает в сторону. Между двумя соседними синтагмами или предложениями возникает пауза умолчания, конденсирующая эмоциональную напряженность фраз»; «Присоединительными можно назвать ... конструкции, где части не умещаются в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное, хотя и сложное представление, но образуют цепь последовательных присоединений, смысловое отношение которых не усматривается из союзов, а выводится из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений синтагм» [1, с. 233, 235].

На сегодня наиболее изучена и описана семантическая структура простых неосложненных предложений. Присоединение представляет собой одну из конструкций осложнения модели простого предложения. С точки зрения семантической организации присоединительная конструкция, как бинарная структура, может быть представлена тремя пропозициями: собственно денотативным содержанием составляющих компонентов (базового высказывания и присоединенного компонента) и пропозицией возникающих между ними смысловых отношений 'попутного добавления-комментария'. Характерной чертой присоединительных конструкций является раздельнооформленное выражение в них диктума и модуса. Общее денотативное содержание присоединительной конструкции заключено в основном высказывании. Субъективная модальность формирует присоединенный компонент.

Сам факт присоединения, связанный со «сдвигом» информации-добавления, отражает своеобразную коммуникативную установку субъекта-говорящего (иначе в присоединительной конструкции – субъекта сознания: субъекта воспринимающего, мыслящего, чувствующего). Говорящий (субъект-авторизатор) расширяет денотативные смыслы основного высказывания путем соотнесения причинно-следственных связей элементов действительности с собственным мировосприятием, давая при этом оценку действиям субъекта-адресата или субъекта действия / состояния / качества из диктумного поля базового высказывания, программируя тем самым потенциальную реальность. Если понимать присоединение как добавление смыслового фрагмента к уже существующему целому, то следует признать эту же сущность и у парцелляции, которую традиционно трактуют как результат 'расчленения' целостной синтаксической структуры. К тому же в

устной речи интонационно дифференцировать эти конструкции не представляется возможным. Сравним следующие примеры:

1. *Тут, за столом, едва получив ребенка в руки, пришли к согласию: первым делом – покрестить. Тайком, не докладываясь матери* [6, с. 19];
2. *Сатана вселился в Сергея Зверева. Через полчаса выселился. От отвращения* [пример из закадрового текста канала «ТНТ», 2010 г.].

Незначительное или вовсе отсутствующее интонационное различие не свидетельствует о ‘расчленении’ базового высказывания и парцеллята. Последний все так же несет добавочный смысл и возникает в сознании «Я»-субъекта позже. На этом основании будем понимать присоединение широко. Целесообразно, на наш взгляд, рассматривать присоединение как одну из функционально-семантических категорий, имеющих полевую структуру, в состав которой входит и парцелляция [2].

Традиционное истолкование присоединения как «добавления» информации к «законченному целому» и использование многочисленного списка средств оформления конструкции с помощью сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов, интонации, специализированных лексических элементов (*да и, впрочем, вдобавок*) и т.д. до настоящего времени не позволяет осмыслить грамматический статус явления. Очевидная интенциональность присоединения свидетельствует о необходимости поиска антропологического следа в порождении конструкции. Специфику возникновения присоединения можно объяснить через особые намерения «Я»-субъекта актуализировать смысловые компоненты высказывания путем «проникновения» субъекта модуса в диктумную зону. План модуса (модальность) связана с реакцией говорящего на высказываемое, то есть автора речи можно охарактеризовать как субъект модуса. Соотношение субъектов диктума и модуса определено Г. А. Золотовой как субъектная перспектива высказывания [4]. На оси от S-диктума до S-модуса выделяются субъектные зоны диктума и модуса. S-диктума включают: S1 – субъект базовой модели, S2 – субъект-каузатор, S3 – субъект-авторизатор. S-модуса предполагают: S4 – субъект-говорящий («Я»-субъект) и S5 – субъект-адресат (слушающий, «Он»-субъект). Присоединительные конструкции имеют оригинальную субъектную перспективу, поскольку сама структура присоединительной конструкции, основанная на внезапном возникновении в сознании говорящего присоединенного компонента / добавочной информации, предполагает обязательное обнаружение себя говорящим, т.е. наличие S 4 («Я»-субъекта), в каждом высказывании с присоединением [4]. «Я»-субъект переживает сам и дает пережить адресату речи («Он»-субъекту) состояние между первичным знанием и вновь возникшим вторичным смыслом. При этом модусная рамка не всегда эксплицитна, но, даже невербализованная,

она сводима к авторизующей модусной рамке типа 'Я сообщаю / знаю / утверждаю / вижу / чувствую' или 'Я это дополняю / комментирую / оцениваю'. Это совмещение субъектных сфер напрямую обусловлено модальными особенностями присоединительной конструкции, предназначенной для раздельнооформленного выражения объективной (базовая часть) и субъективной (присоединенный компонент) модальности. Рассмотрим это на примерах.

I. Присоединительные конструкции, построенные по модусной рамке типа 'Я дополняю: сообщаю / знаю / утверждаю / вижу / чувствую'.

1. *Когда мы встретились на выставке, Гриша снова звал меня с собой, говорил, что здесь ничего путного не получится, ведь жизнь устанавливается не по смыслу, а по уровню людских душ. Я отказалась, потому что подумала о бабушках. И о маме* [6, с. 282].
2. *Костюмчик купить велели: шерстяной, китайский. Кофточка на пуговицах, рейтузики и шапка. Все дети, говорят, носят. Дорогой, поди, рублей шесть. И ленты в косы. Шелковые* [6, с. 18].
3. *Наглядится за день, а к вечеру сядет, краски с карандашами возьмет – все как есть нарисует. И леса зеленые, и моря синие, и города разноцветные* [6, с. 219].
4. *Жаль, что они не сохранились: тогда бы я все вспомнила. А так не помню. Даже маминого лица* [6, с. 6].
5. *Сели чай пить. Батюшка улыбается: грешен, говорит, чаевник отчаянный. Люблю душу побаловать – с сахарком, да вприкуску* [6, с. 23].
6. *Взяла бы хоть валерьянки накапала. Или корвалолу* [6, с. 45].
7. *Расправились с ним. В семнадцатом* [6, с. 258].
8. *Бывает, Господь молодых-здоровых прибирает, а старых-больных не трогает. Разве проникнешь в его замыслы? Согласились. Вспомнили молодых-здоровых. Своих* [6, с. 21].
9. *Бабушка Гликерия говорила, что у нас была фотография, маленькая, на паспорт, а потом ее потеряли, когда заказывали портрет. Железный, для кладбища* [6, с. 6].
10. *А так-то выходи, если всем готова пожертвовать. И жизнью, и дочерью. А теперь одна я хочу. Богу помолиться* [6, с. 177].
11. *Радио большое, черное – у Евдокии в комнате висит. Софья приходит, встает на стульчик. Включит, приникнет ухом. Тихонько, чтобы бабушкам не мешать* [6, с. 26].
12. *Тайком побоялась. Жизни их навредить* [6, с. 21].

13. *Его отъезд обошелся нам дорого, у меня совсем не осталось денег. Вот я и моталась по чужим мастерским. Пока не купила эту квартиру* [6, с. 281].

II. Присоединительные конструкции, построенные по модусной рамке типа 'Я это дополняю: комментирую / оцениваю'.

1. *Он тоже пропал. Может быть, отчим так и не собрался съездить, а Зинаида выбросила – как и мои картинки* [6, с. 6].
2. *В Мариинском у них товарка знакомая. Вместе в церковь ходят. И проведет, и посадит, и присмотрит. Также одинокая: ни детей, ни внуков* [6, с. 18].
3. *Ясли на балансе – завод персоналу доплачивает. Да и мамки к праздникам носят – кто конфеток, кто чулки* [6, с. 14].
4. *В Мавзолей этот ходят, ходят... И чего ходят? На покойника любоваться?* [6, с. 177].
5. *Я сделала ремонт и перевезла мебель – все, что осталось от бабушек. Это отчим придумал все вывезти и спрятать у него в деревне: после смерти родственников остался пустой дом. Об этом его жена не знала, ведь дом никак не оформляли, да ей он был и не нужен* [6, с. 281].

Современные исследования в области синтаксиса характеризуются пристальным вниманием ученых к проявлению в языковых явлениях фактора говорящего / адресата, реализации имеющихся у автора речи коммуникативно обусловленных интенций, что в целом соответствует современной антропоцентрической парадигме всей лингвистической науки. Это позволяет в новом ракурсе рассмотреть, казалось бы, уже изученные языковые факты или снять имеющиеся противоречия в их интерпретации. К таким фактам, безусловно, относится явление присоединения / парцелляции. На основании вышеизложенного считаем, что присоединение выступает в качестве одного из средств экспликации категории авторизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Горбунова Л. Г. К вопросу о функционально-семантическом поле присоединения // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: межвуз. сб. научн. статей. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – Вып. 2. – С.77–82.

3. Горбунова Л. Г. Присоединение / парцелляция в аспекте субъектной перспективы высказывания // Функционально-семантические исследования: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – Вып. 4. – С. 52–55.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. – 544 с.
5. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
6. Чижова Е. С. Время женщин: роман. – М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. – 284 с.